

Сергей Маковский

Вячеслав Иванов в России

Воспоминания о серебряном веке.

Сост., авт. предисл. и коммент. Вадим Крейд.

М.: Республика, 1993. -- 559 с.

OCR Ловецкая Т. Ю.

Из поэтов, бывших на виду в предреволюционные годы, самый забытый, пожалуй, Вячеслав Иванов. Многие помнят еще о его роли в столпотворении нашего "модернизма", помнят и об авторе "Религии страдающего бога" и "Переписки из двух углов". Но стихи Вячеслава Иванова, его лирический пафос, да и весь он, поэт-миротворец, символист, прозревавший в поэзии путь к высшему познанию, -- кому еще он дорог? И это несмотря на то, что поэт, покинув Россию четверть века тому назад, продолжал писать в изгнании до самой смерти (умер в Риме 83-х лет 16 июля 1949 года).

По-русски за это время он почти не печатался. Впрочем, литературной "верхушкой" были замечены его итальянские стихи, появившиеся в "Современных записках". На пять из них Гречанинов сочинил романсы, которые затем оркестровал в симфонический цикл под общим заглавием "Римские сонеты". За рубежом вышел также (в 1939 году) последний стихотворный сборник Вячеслава Иванова -- "Человек" (в парижской серии "Русские поэты") {"Человек" не может помочь характеристике зарубежного творчества В. И., он весь написан еще в Москве. Части первая, вторая и третья были закончены до революции; часть четвертая и эпилог -- в годы 17-й и 18-й. "Человек" должен был печататься в России в 1918 году, даже набор был готов. Революционное бедствие помешало выходу в свет этого сборника. Когда в 1939 году редакция "Современных записок" предложила В. И. издать его, автор сделал легкие изменения в отдельных строчках и прибавил "Примечания". *Прим. С. Маковского.* }.

Это собрание очень головных, очень отвлеченно-выспренних строф мало кого увлекло; тяжесть стиха, надуманность образной выразительности вызывали даже недоумение: "Разве цель поэзии -- какой-то трансцендентный герметизм?" В самом деле, чуть ли не каждая строчка "Человека" требует комментария; несколько страниц авторских "примечаний" ничего не разрешают.

"Поэзия, прости Господи, должна быть глуповата". Этим полушутливым восклицанием Пушкин отдает предпочтение не слабости ума, конечно, а прямоту, непосредственности поэтических признаний. Ее-то и недостает поэме, или "мелопее", Вячеслава Иванова (как он сам назвал "Человека"), с первых же строф ввергающей нас в "беспощадные глубины" и в словесные ухищрения, с которыми справиться нелегко:

Затем, что ангела и зверя
И лики всех стихий навек
В себе замкнул, кто, лицемеря,
Назвал личину: Человек.

Таких строф немало на ста страницах...

Разбирать этой книжки я не буду; к тому же всякий может ее прочесть: она не распродана¹ (другие книги Вячеслава Иванова находишь с большим трудом). Скажу только, что красоты есть и в ней, несомненно, хотя бы в апокалиптическом "Венке сонетов" третьей части. О "Человеке" упоминаю сейчас для того, главным образом, чтобы указать на одну из причин "затмения" Вячеслава Иванова в эмиграции: последний сборник вскрыл его недостатки -- риторичность, ученый педантизм и отвлеченное упорство в ущерб чувству. Все это обнаруживалось и в прежних стихах, но не так обнаженно, -- было в них много другого, выросшего не из Иванова-мыслителя, эллиниста и литературоведа (в самом широком значении этого понятия), а из поэтической сущности Иванова-прозорливца, Иванова-мистика, искушенного в тайном знании, называвшего себя полусерьезно магом... "Кормчие звезды", "Cor Ardens", "Прозрачность", "Нежная тайна" -- во всех этих сборниках, изданных с 1903 по 1912 год, ощущается подлинная стихотворная плоть, а не засушенное ее подобие.

Главная цель моя -- напомнить об этом Иванове, в связи с тем что я почувствовал недавно в Риме, ознакомившись с неизданными его стихами и со статьями литературно-критического и философского содержания, написанными в последние годы не только по-русски, но и по-итальянски и по-немецки. Прочел я также ряд посвященных его трудам статей иностранных авторов {Стихи В. И. на итальянский язык переводил Папини, он же писал о нем неоднократно, высоко оценивая его поэзию. В словаре "Трекани" -- статья о Вячеславе Иванове Ло-Гатто, который посвятил поэту главы в своей